

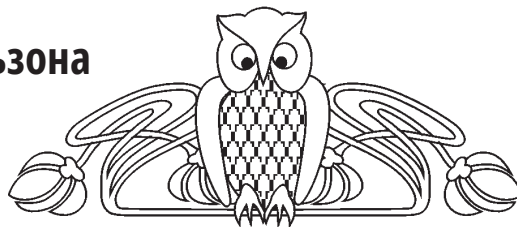

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 129–135
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 129–135
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

Научная статья
УДК 811.112.2'27'282.4'373.21(470.4)+929Дульзон

Лингвистическое наследие А. П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья

Е. В. Сычалина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сычалина Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, ekaterinasychalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5976-9522>

Аннотация. Статья посвящена изучению немецкой микротопонимии Поволжья. Источником топонимов выступает докторская диссертация известного отечественного лингвиста А. П. Дульзона, отдельный раздел которой содержит список географических названий поволжских немцев из 1049 единиц. Лингвистическое наследие А. П. Дульзона, обращенное к изучению немецких диалектов в Поволжье, несправедливо забыто и частично утрачено ввиду депортации ученого в 1941 г. в Сибирь, где он стал основателем школы исследования языков и топонимии коренных народов. Собранный А. П. Дульзоном топонимический материал немецкого Поволжья так и не получил всестороннего изучения ни самим ученым, ни последующими поколениями лингвистов. Цель настоящего исследования, основывающегося на новом фактическом материале и выполненного в русле социолингвистики, заключается в выявлении уникальных для немецкой микротопонимии черт, обусловленных многолетним проживанием поволжских немцев в условиях иноязычного окружения. В рамках статьи данные микротопонимы рассматриваются не только с точки зрения их семантики и структуры, но и как результат межкультурных и межъязыковых контактов. В фокусе внимания находятся вопросы контактной ономастики: динамика культурно-языковой интерференции, проблема заимствований на топонимическом уровне, их адаптация в воспринимающем языке в зависимости от диалектных особенностей немецких языковых островов Поволжья. Установлено, что заимствованные русские потапонимы, географические термины, микротопонимы, а также лексические единицы, обозначающие понятия русской действительности из культурно-бытовой сферы, под втягивающим воздействием немецкой островной топонимии претерпели грамматические и фонетические изменения и оказались вовлечены в продуктивные словообразовательные модели – композиты и аналитические конструкции. Исследование показало, что для немецкой микротопонимии Поволжья характерно явление монотопонимизации, подтверждающее в совокупности с неязыковыми данными замкнутость общин поволжских немцев в пределах ограниченной территории. Делается вывод, что изучение островной топонимии поволжских немцев в социолингвистическом аспекте, т.е. с учетом социальных условий функционирования языка данного аллохтонного коллектива, является первым шагом на пути к междисциплинарным исследованиям топонимии, традиции которых были заложены самим А. П. Дульзоном.

Ключевые слова: А. П. Дульзон, поволжские немцы, микротопонимия, топоним, социолингвистика, языковые и культурные контакты, языковой остров, немецкие диалекты

Для цитирования: Сычалина Е. В. Лингвистическое наследие А. П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 129–135. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The linguistic heritage of A. P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region

E. V. Sychalina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina V. Sychalina, ekaterinasychalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5976-9522>

Abstract. The article deals with the detailed research of the German microtoponymy of the Volga region. The toponym source is the doctoral thesis of a famous Russian linguist A. P. Dulzon, with a special chapter, where a list of 1049 geographical names of the Volga Germans is presented. The linguistic heritage of A. P. Dulzon, which addressed the studying of the Volga region German dialects, is unjustly forgotten and partly lost due to his being exiled to Siberia in 1941, where he was the head of the scientific school of studying native peoples' dialects and toponymy. The toponymic material collected by A. P. Dulzon has not been thoroughly studied either by the scientist himself or by the following generations of linguists. The main aim of our research, which is based on new factual material and carried out in the field of sociolinguistics, is to define some

unique features common for German microtoponymy, resulting from living for many years in multi-lingual surrounding. In this article the primary attention is given not only to the semantics and structure of toponyms, but also to the influence of the cross-cultural and cross-linguistic contacts. The research is focused on contact onomastics, the dynamics of cross-cultural interference, the problem of borrowings on the toponymic level, their adaptation in the language depending on the peculiarities of the German dialects of the language islands of the Volga region. It has been proved that borrowed Russian river names, geographical names, microtoponyms, and lexical units denoting Russian realia from the cultural and general sphere, were influenced by German island toponymy and underwent major grammatical and phonetical changes, becoming part of productive word-building models: composites and analytical structures. The research shows that the phenomenon of microtoponymy is characteristic for the German microtoponymy of the Volga region, which proved, together with various extra-linguistic factors, that the Germans led a secluded life on their confined territories. A conclusion is drawn that studying the island toponymy of the Volga Germans in the sociolinguistic aspect, i.e. taking into account all the social environments in which the language of this allochthonous community functioned, can be the foundation for the interdisciplinary investigation of toponymy established by A. P. Dulzon.

Keywords: A. P. Dulzon, Volga Germans, microtoponymy, toponym, sociolinguistics, linguistic and cultural contacts, language island, German dialects

For citation: Sychalina E. V. The linguistic heritage of A. P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 129–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-129-135>, EDN: WNUMLE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Андрей Петрович Дульзон (1900–1973) широко известен в научном сообществе как выдающийся исследователь малых народов Сибири. В 2022 г. основанной им в Томске лингвистической школе исполнилось 75 лет. Будучи всесторонне одаренным ученым, работавшим в междисциплинарном ключе, А. П. Дульзон в век описательной лингвистики предложил использовать систематический комплексный подход к исследованию поставленной проблемы, а именно привлечение археологических, антропологических, этнографических и языковых данных для исследования аборигенных народов Сибири [1, с. 18]. Безусловной заслугой профессора А. П. Дульзона является создание в Томске самого крупного топонимического центра страны в 1950–1970-е гг. [2, с. 8]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) отмечается лишь, что становление и развитие финно-угроведения в Сибири связано с именем А. П. Дульзона [3]. Однако научная деятельность ученого до его депортации в Сибирь в 1941 г. остается в тени, о его работах, посвященных исследованию немецких диалектов Поволжья, широкому кругу исследователей известно крайне мало. Между тем как крупный ученый А. П. Дульзон сформировался именно на Саратовской земле.

Родился Андрей Петрович в семье немецко-крестьянина в селе Прайс на Волге, изучению говора которого спустя 38 лет посвятил свое фундаментальное исследование – докторскую диссертацию [4], единственный экземпляр которой хранится в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета. И кандидатская диссертация «Альт-Урбахский диалект» (защита в 1934 г. в Москве), и исследование говора села Прайс были высоко оценены профессором В. М. Жирмунским: «Его работы в этой области... выдвинули его [А. П. Дульзона] в первые ряды советских германистов не толь-

ко новизной материала, но и самостоятельностью теоретического к нему подхода» (цит. по: [2, с. 4]). В 1940 г. ученый получил звание профессора Саратовского государственного педагогического института.

Сферу научных интересов А. П. Дульзона во многом определило знакомство с Георгом Дингесом, профессором Саратовского университета, позднее директором Центрального музея АССР НП, создателем и руководителем Центрального бюро по изучению диалектов немцев Поволжья, который в начале 20-х гг. XX в. инициировал создание словаря поволжско-немецких говоров. Изучая диалектный материал, начинающий исследователь обратил внимание на фольклор и этнографические материалы целого ряда колоний, он обработал поволжско-немецкие пословицы, поговорки, загадки, рифмовки, рецепты, советы по народной медицине. В ходе этнографических экспедиций изучались свадебные обряды [5]. Разработанная А. П. Дульзоном анкета включала 170 вопросов. Сегодня эти опросники, заполненные самим ученым в селах Гримм, Ягодная Поляна, Розенталь, Прайс, представляют собой уникальный материал по этнографии и диалектам немцев Поволжья [6]. Как мы видим, комплексный подход к исследованию языковых явлений, характерный для поздней научной деятельности А. П. Дульзона и Томской лингвистической школы в целом, сложился задолго до формирования последней.

Интерес к географическим названиям, который привел в дальнейшем к созданию крупнейшего центра топонимических исследований в Сибири, зародился тоже во время полевых исследований А. П. Дульзона в Поволжье. Собранные ученым в период его сотрудничества с Г. Дингесом и учебы на филологическом факультете, а затем аспирантуры и докторантуры полевые материалы включали также топонимы

немецких поселений на Волге. Эти лексические единицы, а также сведения, собранные учителями и пасторами в марте-апреле 1928 г. по решению Народного комиссариата просвещения АССР НП для издания школьного учебника по краеведению, А. П. Дульзон обобщил в своей докторской диссертации. Исследуя говор села Прайс на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом, ученый использует для иллюстрации своеобразия словарного состава ономастический материал: прозвища и топонимы поволжских немцев. Он приводит «Список географических названий поволжских немцев» из 1049 топонимов, отобранных в 95 колониях [4, с. 315–351]. Перечень выстроен в алфавитном порядке, каждый топоним сопровождается пометой, в каком населенном пункте (пунктах) он зафиксирован и какого рода объект называет, в ряде случаев дается этимология наименования.

Эти ономастические единицы могут быть соотнесены с понятием микротопонима, который в «Словаре русской ономастической терминологии» трактуется как собственное имя (чаще) природного объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в том числе микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т.п.) [7, с. 83]. Критерий малоизвестности, как показал опыт изучения конкретного языкового материала, не может быть признан определяющим признаком микротопонимов [8, с. 204]. Однако их мотивированность, наличие внутренней формы, близость к именам нарицательным, неустойчивость во времени по сравнению с другими видами географических наименований, коммуникативная ограниченность ввиду диалектальной окрашенности и нередко отсутствия письменной фиксации – характеристики микротопонимов, которые представляются релевантными. В самой природе этих языковых единиц кроется их изменчивость, многие микротопонимы безвозвратно утрачиваются, а вместе с ними и ценнейшие для лингвистики, этнографии, истории и других наук данные о языковых и материальных условиях, актуальных для номинатора в момент называния топообъекта. Ведь посредством топонимов происходит языковое членение и освоение жизненного пространства, выделение наиболее важных фрагментов картины мира, которые получают означивание в соответствии с аксиологически-оценочной системой

этноса, его представлениями об окружающей действительности. Топонимы вербально закрепляют наивно-бытовые, историко-социальные знания и этнокультурный опыт народа, и в условиях межъязыкового и культурного взаимодействия специфика национальной топонимической картины мира проступает особенно отчетливо в контрасте с инонациональной топонимией.

Сказанное подчеркивает значимость анализируемого исследования А. П. Дульзона для науки как ценнейшего лингвистического, этнографического, культурологического источника, зафиксировавшего состояние одного из поволжско-немецких говоров в последние годы перед депортацией колонистов из Поволжья. Однако выводы, которые делает выдающийся лингвист об итогах развития языковых вариантов поволжских немцев в первой половине XX в., смешении и выравнивании диалектов в условиях длительной изоляции миноритарного этноса от основного этнического ядра и в инонациональном окружении, могут быть применены и ко многим другим немецким селам Поволжья, тем более что автор использует в качестве примеров полевые материалы своих экспедиций по многим колониям.

Исходя из целей настоящей статьи, мы рассматриваем диссертационное сочинение А. П. Дульзона о говоре села Прайс как важнейший топонимический источник, ценность и достоверность которого обеспечиваются его внешней и внутренней критикой в соответствии с принципами лингвистического источниковедения [9, с. 85]. Используя терминологию С. И. Коткова, этот научный текст – лингвистическое исследование более широкой проблематики – для современного топонимиста может считаться вторичным источником с заданными свойствами [10, с. 7–8]. Его автор не ставит перед собой специальной задачи всестороннего изучения немецкой топонимии Поволжья, тем не менее, подвергает анализу словообразовательную структуру географических названий, выделяя простые, сложные и аналитические наименования. В каждой из структурных групп названия классифицируются по типу топообъекта: реки, овраги, пруды, луга, леса, горы, поля, родники, долины, улицы, площади, части деревни, мосты, плотины и пр. Рассмотрим характерные особенности немецких микротопонимов Поволжья с позиций социолингвистического подхода последовательно в каждой из трех выделенных А. П. Дульзоном структурных групп. Представляется, что изучение национальной топонимии миноритарного этноса *поволжские немцы* не может осуществляться без учета социальных условий функционирования языка данного

аллохтонного коллектива, которые в специальной литературе характеризуются как языковой остров. Островная топонимия неизбежно взаимодействует с другими национальными топонимическими системами и в целом обусловлена историко-политическими и этноязыковыми процессами в обществе, поэтому ее изучение в социолингвистическом аспекте является первым шагом на пути к междисциплинарным исследованиям топонимии, традиции которых были заложены самим А. П. Дульзоном.

Простые наименования образуют самую небольшую группу (136 единиц), где обращают на себя внимание апеллятивы, как правило, без каких-либо словообразовательных изменений, выполняющие роль имен собственных. Нередко в их основе лежит географический термин без дифференцирующих определений, в ряде случаев сопровождаемый лишь уменьшительно-ласкательным суффиксом: *der Fluss* «река», *der Graben* «овраг», *die Klinge* диалектизм «овраг», *der Teich* «пруд», *der Weiher* «пруд», *das Tal* «долина», *das Brünne*, *das Brunnsche* «колодец» („che“/„sche“ диминутивные диалектные суффиксы), *der Damm*, *das Dämmche* «плотина», *die Brück* «мост», *der Kanal* «канал» и др. Это явление монотопонимизации – выделение в отдельной локальной топонимической системе объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий, – свойственно, по мнению Е. Л. Березович, как современной топонимии, так и архаичным топонимическим системам и свидетельствует о суженности пространственного горизонта их носителей [11, с. 171]. В условиях чересполосного проживания разных этносов данный тезис приобретает особую значимость и доказывает замкнутость общин поволжских немцев в пределах ограниченной территории.

К группе простых наименований относятся большинство потамонимов (названий рек) поволжских немцев. Традиционно река является главным организатором пространственных связей в любом населенном пункте, центром освоения новых территорий. Немецкие колонисты, прибыв в Поволжье, обнаружили уже сложившуюся, весьма обширную систему гидронимов в основном тюрко-монгольского или русского происхождения. Все названия рек были заимствованы колонистами и интегрировались в немецкую национальную топонимию, претерпев грамматические и фонетические изменения: *Березовка* – *die Beresowka*, *Добринка* – *die Dobrinka*, *Грязнуха* – *die Gräsnuha*, *Иловля* – *die Lawla* (*die Lawle*), *Иргиз* – *der Irgis*, *Яма* – *die Jama*, *Еруслан* – *der Jereslan*, *Карамыш* – *der Karamisch*, *Казанка* – *die Kasanka*, *Краснуха* – *die Krasnuha*, *Кулалинка* – *die Kulalinka*, *Ломовка* – *die Lotowka*,

Маянга – *die Majanga*, *Мальшка* – *die Malischka*, *Медведица* – *die Medwediza*, *Мечетка* – *die Metschet* (*Mitschetka*), *Ольховка* – *die Olchowka*, *Перевозинка* – *die Perewosinka*, *Пропва* – *die Porrof*, *Затон* – *der Sadonn*, *Саратовка* – *die Saratowka*, *Севастьяновка* – *die Sebastjanowka*, *Славнуха* – *die Splawnucha*, *Таловка* – *die Talowka* / *Dalowka*, *Тарлык* – *der Tärlik* / *Dälik*, *Торгун* – *der Torgun*, *Водная Даниловка* – *die Wodnoi Danilowka*, *Волга* – *die Wolga* / *Wolge*, *Воложка* – *die Wolschge*. Иноязычные гидронимы получили в немецкой топонимической системе артикль мужского или женского рода в зависимости от грамматического рода заимствованного имени в русском языке. Примечателен тот факт, что в колониях Гримм, Прайс, Красный Яр использовался потамоним *die Bach* с артиклем женского рода, хотя в литературном языке апеллятив *der Bach* «ручей» мужского рода. Такое грамматическое несоответствие может объясняться втягивающим воздействием системы потамонимов, которые, согласно общезыковой традиции, являются, за редким исключением, существительными женского рода.

Заимствованные потамонимы активно участвуют в процессе топонимобразования, выступая компонентами гибридных композитов: *Dalowlagraben* (от потамонима Таловка), *Gniluschkegrawe* (от потамонима Гнилушка), *Suselberg*, *Suselgraben*, *Suselland* (от потамонима Суслы), *Mokrawald*, *Mokragraben* (от потамонима Мокрая Ольховка), *Sucho-Majanka-Graben* (от потамонима Сухая Маянга) и др. Композиты в изучаемом эмпирическом материале образуют самую обширную группу (721 единица), что соответствует тенденциям развития словообразовательной структуры как имен нарицательных, так и топонимов в немецком языке в целом, где словосложение является самым продуктивным способом словообразования.

Помимо потамонимов, заимствованных немецкой топонимической системой, островная топонимия колонистов обнаруживает значительное число иноязычных элементов из общего словарного фонда языка мажоритарного этноса, т. е. русского. Процесс лексического заимствования стал естественным следствием долголетних языковых и культурных контактов представителей двух этносов и не мог не затронуть топонимический уровень в языке немецких колонистов, занимавшихся земледелием по соседству с русскими крестьянами. В «Списке географических названий поволжских немцев» А. П. Дульзона находим следующие заимствованные имена или топоосновы: *Banjeswälder* от *Banje* «баня» (лес, колония Добринка), *Bolnidzegräbche* (овраг, к. Мариенталь), *Bobroff* (пастбище, к. Эндерс), *Chachlatzke* от прилагательного «хохлацкий»

(ключ, к. Гук), *Chuttergraben* от «хутор» (овраг, к. Паульское), *Derrbärgeporowa* / «*Dürrbirkenprorwa*» (овраг, к. Гуссенбах), *Diwlansgraawe* (овраг, к. Маринталь, к. Граф), *Diwle* (овраг, к. Шаффгаузен), *Diwlee* (аллея графа Панина *Дивная аллея*, к. Цуг), *Dollowoyteich* (пруд, к. Красный Яр), *Dreispietzer-Borak* (лес, к. Гольштейн), *Grossbarak* (лес, к. Галка), *Kalina* (лес, к. Мариенфельд), *Kaminka* (луг, к. Гримм), *Kaschedamm* (плотина, к. Зихельберг), *die Kawak* (пруд, к. Красный Яр), *Kirschenborak* (овраг, к. Гольштейн), *Kommunistenstraße* (улица, к. Гольштейн), *Kraulgrawe* от междометия *караул* (овраг, к. Пфайфер), *Kumskling* (овраг, к. Мюльберг), *Kurgan* (гора, к. Драйшпиц), *der Labadne* от топонима *Лопатино* (луг, к. Граф), *Lopatina* (пруд в форме лопаты, к. Розенгейм), *Magazingraben* (овраг, к. Маркштадт), *Maschenikskraawe* (овраг, к. Граф), *Matschkaskling* от *Matschge* «*мачка, женщина другой национальности*» (овраг, г. Мюльберг), *Oboswäldchen* (лес, к. Норка), *die Premme* от «*прямо*» (поле, к. Граф), *Prikapne* (озеро Перекапное, к. Гуссенбах), *Prisdansgräbche* (овраг, к. Прайс), *Progonn* (дорога к пастбищу, к. Сузанненталь), *Proletarstraße* (улица, г. Макрштадт), *die Prorowe* (пруд, к. Граф), *Prorowedämmche* (плотина, к. Граф), *Ribkinsgrabe* (овраг, к. Фишер), *Sadok* (пруд, к. Розенгейм, Паульское, Граф, Эндерс, Швед), *Sasanjär Graben* (место ловли сазанов, к. Шаффгаузен), *Sawodabrunne* (источник, к. Антон), *Sawodatränk* (водопой, к. Антон), *Schirokergraben* от «*широкий*» (овраг, к. Гук), *die Schischke* от географического термина «*шишка*» (покос, к. Шталь), *Semlinkewald* (лес, к. Гук), *Semlengeweiher* от «*землянка*» (пруд, к. Граф), *Senokosedamm* (плотина, к. Мариенфельд), *Senokosegraben* (овраг, к. Мариенфельд), *Simlenketeich* (пруд, к. Эндерс), *Simweh* (зимовье, к. Эндерс), *Simwehgrawe* (овраг, к. Эндерс), *Simwehinsel* (сады, к. Эндерс), *Steinborak* (овраг, к. Гольштейн), *Tabungraben* (овраг, к. Куттер), *Trakt* (Эльтонский соляной тракт).

В процессе лексической интерференции слово могло заимствоваться в неизменном виде (*Sadok, Trakt, Kurgan, Jama, Irgis*), но чаще всего фонетическая оболочка претерпевала существенные изменения в соответствии с произносительными законами конкретного поволжско-немецкого диалекта-рецептора. К таким особенностям адаптации заимствований в говоре села Прайс относится, например, замена русских палатализованных согласных твердыми (*Bolnidzegräbche* ср. *больница*, *Neftedamm / Neft* ср. *нефть*, глухих – звонкими (*Saradof – Саратов, Dälik – Тарлык, Sadonn – Затон, Labadne – Лопатино, Dubofge – Дубовка, Soledoi – Золотое, Wolschge*

– *Воложка*), диссимилияция согласных (*Mosgau / Moschgau – Москва, Asdrigan – Астрахань, Smolensge – Смоленск, Prisdansgräbche* ср. *пристань*), замена русского звука б немецким w (*Kawak* ср. *кабак*, как в слове *spasiwe* «*спасибо*»), вытеснение любых гласных в конце слова редуцированным e (*Wolge* ср. *Волга, Schischke* ср. *шишка, Premme* ср. *прямо*) и др.

В немецкую топонимию вошли понятия русской действительности преимущественно из культурно-бытовой сферы, ставшие новыми для колонистов: *Simweh* «*зимовье*», *Simlinge* «*землянка*», *Khudr* «*хутор*», *Gum* «*кум*» и др. Одной из причин заимствований послужило более точное обозначение реалий русскими словами, хотя многие из них имели эквиваленты в немецком языке с близким или равным значением. Так, апеллатив *Wassermelone* не выдержал конкуренции с русским эквивалентом. В нескольких колониях одновременно были зафиксированы наименования с топоосновой *Arbuse-*: *Arbusenfeld* (к. Неб), *Arbusengraben* (к. Гоффенталь). Решающую роль в выборе конкурирующих форм, очевидно, имела возрастающая значимость русского языка в жизни немецкого колониста в ранний советский период. А. П. Дульзон указывает на высокий престиж языка мажоритарного этноса, что нашло отражение в поговорке „*dä khan die schproux*“ (der kann die Sprache) «*он знает язык*», произносимой с особым почтением [4, с. 353]. По этой причине вкрапления русских заимствований использовались в стилистических целях – для украшения речи, придания ей особого колорита: *ich hun kha axode drtsu* (ich habe keine Lust dazu) «*мне неохота*», *sdarowe* «*здорово*», *sdrasdwı* «*здравствуй*», *baschalesde* «*пожалуйста*», *goigak* «*кое-как*», *dä hot khan razem* «*у него нет разума*».

Приведенный выше перечень топонимов с иноязычными топоосновами, однако, содержит преимущественно гибридные композиты ядерного, а не периферийного подвида: русские заимствования занимают в них начальное положение (*Bolnidzegräbche, Maschenikskraawe, Matschkaskling, Dollowoyteich, Oboswäldchen, Semlengeweiher* и др.). Роль определяемой части топонима в структуре сложного имени выполняет при этом исконный топоэлемент: *-gräbche / -kraawe / -kling, -teich, -wäldchen, -weiher* и др. Объяснение такому соотношению топооснов мы находим в следующем: с целью избежать возможного непонимания при идентификации топообъекта, вызванного наличием иноязычных элементов в структуре географического наименования, язык-рецептор привлекает собственные ресурсы в качестве квалификатора, который прямо называет вид объекта. Таким образом частич-

но компенсируется новизна заимствованного слова, а использование традиционных топонимобразовательных моделей облегчает освоение иноязычных элементов немецкими крестьянами, в основной своей массе плохо владевшими языком мажоритарного этноса. Так, по оценкам В. А. Манькина, не более 20% населения АССР НП были билингвами, а среди сельского населения их было еще меньше [12, с. 10].

Тем не менее анализ эмпирического материала позволяет констатировать взаимодействие немецкой и русской топонимических систем в Поволжье сразу на нескольких уровнях, что нашло отражение в заимствовании островной топонимией русских географических терминов (*Borak / Barak* «буерак», *Jar, Schischke*), потамонимов (*Dobrin-ka, Gräsnucha, Kasanka* и пр.), микропонимов (*Atroschna, Progonn, Werschinka* и пр.) и вовлечении иноязычных элементов в свои продуктивные словообразовательные модели – словосложение и аналитические конструкции. Последние не столь широко представлены в исследуемом материале, как композиты, их насчитывается 192 единицы. Особую подгруппу аналитических наименований составляют оттопонимические образования с русскими ойконимами или гидронимами в структуре: *die Danilowkaer Höh, das Sinenker Tal, das Rogatner Eck, der Krasnojarer Berg, die Bobrowkaer Tränk* и др. Аналитические топонимы этого типа мотивированы пограничным положением топообъектов и являются еще одним доказательством суженности пространственного горизонта поволжского немца, четко осознающего наличие границ его жизненно важной территории. Это утверждение коррелирует с имеющимися историческими, этнографическими, языковыми данными об исследуемом островном сообществе, согласно которым этнической психологии поволжских немцев всегда было свойственно четкое противопоставление «своих» и «чужих», стремление к самоизоляции от автохтонного населения, особенно на начальном этапе, приверженность национальным конфессиям, традициям и языку.

Подводя итог, следует все же отметить, что в условиях многолетнего соседства немцев и русских в Поволжье языковые и культурные контакты двух этносов были неизбежны. Островное положение колонистов, долгие годы оторванных от исконной языковой области и испытывавших с начала XX в. сильное ассимиляционное воздействие со стороны мажоритарного этноса, обусловило процессы культурно-языковой интерференции, которые проявились и на топонимическом уровне. Однако взаимодействие двух разнонациональных топонимических систем в Поволжье нельзя считать односторонним. Не только

немецкая, но и русская топонимия испытала на себе интерферирующее воздействие. Оно заключается в семантической адаптации поволжско-немецкого топонимического субстрата после официального переименования населенных пунктов АССР НП в 1941 г. и депортации немцев из региона. Установлено, что многие немецкие ойконимы подверглись калькированию: *Sichelberg – Серпогорье / Серпогорское, Unterwalden – Подлесное, Friedenberg – Мирное* и др. Интегрировавшись в современную русскую ойконимию, переводные наименования остались единственным языковым свидетельством жизни этого малого этноса на Волге на протяжении почти 170 лет [13, с. 2594].

Настоящая работа продолжает серию публикаций, одну из задач которых мы видим в привлечении внимания научного сообщества к лингвокультурному наследию поволжских немцев, частью которого, без сомнения, являются труды А. П. Дульзона. Будучи носителем изучаемого им поволжско-немецкого говора, Андрей Петрович создал глубоко научное, тщательное, многоаспектное исследование, задокументировавшее состояние языка островного сообщества и, в частности, его ономастический пласт. К сожалению, сам ученый не успел всесторонне изучить собранный богатейший топонимический материал, не сделали этого пока и последующие поколения лингвистов. Думается, что осмысление этих данных в русле современных теорий ономастики позволит рассмотреть топоним не только как знак-ориентир, но как когнитивный инструмент, отражающий ментальные процессы и их результаты в виде системы знаний поволжского немца о мире. Значимость такого рода выводов для целого ряда гуманитарных наук не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Крюкова Е. А. Лингвистическая школа А. П. Дульзона: от описательной лингвистики к междисциплинарным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4(42). С. 18–21. <https://doi.org/10.17223/19988613/42/3>
2. Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон и его школа // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 3–11.
3. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 18.06.2022).
4. Дульзон А. П. Проблема смешения диалектов по материалам говора с. Прайс : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1938. 530 с.
5. Минор А. Я. Этнолингвистические исследования А. П. Дульзона. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2011. 204 с.

6. Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 22.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
8. Сычалина Е. В. Оппозиция «свой-чужой» в микро-топонимии поволжских немцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37) : в 2 ч. Ч. 1. С. 202–205.
9. Блинова О. И. О предмете лингвистического источниковедения // Языки и топонимия Алтая : межвуз. сб. Барнаул : Изд-во АГУ, 1981. С. 83–89.
10. Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка : сб. ст. / под ред. С. И. Коткова, В. Ф. Дубровиной. М. : Наука, 1964. С. 3–13.
11. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. 338 с.
12. Манькин В. А. Социоллингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 18 с.
13. Сычалина Е. В. Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. №. 8. С. 2591–2595. <https://doi.org/10.30853/phil210370>

Поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 30.01.2023